Автор: admin
17.01.2014 14:47 -

Амгу, Глава 5

При подходе к Амгу, выделяется мыс Белкина, ворота Татарского пролива. Мыс высокий и обрывистый. Охотское течение пролива наталкивается на отроги горного хребта Сихотэ-Алинь, образующего возвышенное плато с пирамидальными вершинами, постепенно понижающееся в сторону моря, и обрывающееся у подножья мыса скалой, прозванной Арка, имеющей сквозное отверстие, хорошо заметное с северо-востока. Севернее, в устье реки Амгу долина расширяется просторно вглубь и образует низкий берег, окаймленный приглубым галечным пляжем, удобным для временной стоянки судов, трап можно бросать чуть ли не на высокий бар.
За деревьями видна красная крыша пакгауза, на берег высыпали немногочисленные крестьяне, а не служивых. Это старообрядцы-семейские, поселившиеся здесь до официального вхождения Приморского округа в состав Приамурского края. Корабли союзной англо-французской эскадры, заполонившие в 1855 году Татарский пролив и Охотское море, разорявшие и сжигавшие прибрежные русские поселения, - не тронули Амгу, столь незаметно здесь жили. Члены сельской общины стремились селиться отдельно и от приверженцев официальной православной церкви и от старообрядцев иного толка и согласия. Не найдя в низовьях Амура хороших условий для хлебопашества и не захотев расстаться с ним, несколько десятков семей отправились в Уссурийский край.
Мужики помогли завести канаты и якоря, так что «Викерс» вписался как влитой в берег. Они показались на одно лицо, явный северорусский тип, строгий, все с бородами, напоминающими лопаты – это потом, когда сгрудились в толпу, удалось подробнее рассмотреть каждого. Одежды - рубаха-косоворотка, подпоясанная тканым поясом, штаны с узким шагом, на ногах - самодельные ичиги или сапоги, пацаны босоноги. Быстро приметив, что среди прибывших - нет российского начальства, помогли матросам со шкуны перенести заказанные товары в пакгауз. Крестьяне доброжелательны. Бакунин спустился в лодку, и голубоглазый гребец, сильными гребками повел ее к урезу прибоя и воткнул в гальку. Поднявшись наверх и пройдя сквозь кусты и высокую траву на берег, Мишель не увидел ожидаемой деревни. Она отстояла на версту от бухты.
Старообрядцы принесли с собой северорусские традиции с «сибирской окраской», малодворная деревня свободной планировки; срубные избы не успели почернеть от времени. Обойдя ближайшую, с двускатной крышей, Бакунин вышел на просторную, поросшую травой площадь. Гумна, крепкие амбары на сваях, ведущими к дверям-воротам крутыми настилами, высились копны наколотых дров во дворах, высокие поленницы вдоль жердей ограды, цветники под окнами и огороды, засаженные картофелем и подсолнечником. Долина Амгу и ее притоков благодатное место; луга обильны, крестьяне сеют овес, ячмень, рожь, пшеницу, гречиху, также – коноплю.
К любознательному Бакунину приставили толкового парня, он словоохотливо и с какой-то завидной гордостью рассказывал о своей старообрядческой общине,

образованной дюжиной многодетных семей из числа «беспоповцев». Крестьяне в основном из Тарбагатайской волости Верхнеудинского округа Забайкальской области переселились на Аянский тракт, куда были вызваны для обслуживания почтового сообщения между портом Аян, построенном в 1851-1852 гг. на побережье Охотского моря, и Якутском, бывшим в то время основной перевалочной базой между Сибирью и Камчаткой. С открытием Амура, основной путь снабжения Камчатки и Аляски переместился на него, и им разрешено было оставить службу на Аяне и поселиться вольно на вновь открытом побережье Сихотэ-Алиня. Вначале привезли с собой одомашненных оленей, но вскоре заменили их лошадьми и коровами. В способах охоты, рыбалки, изготовления промысловой одежды и обуви многое переняли от местных орочон, старообрядцы быстро приспособились к местным природным условиям. Единственно, что они не приняли от туземцев, это выращивание и курение табака, занесенное в эти дальние края иезуитами еще сто лет назад.

Основное население общины находилось на покосах, ближе к сопкам долины. Среди обкашиваемых полян в мелком дубняке мужики выделялись белыми длинными рубахами и шляпами. Женскую одежду составляли сарафаны, «лямошные», головы баб покрыты белыми платками.

Жарко, наезженная телегами дорога ведет в высокой траве и густом кустарнике по обочине. Матвей говорит, что в двух часах хода у водопада есть теплые источники весьма сильной воды, излечивающей многие хвори. Камни, устилающие дно ключа, - разноцветная яшма, столь ценимая китайцами!

В вершине долины раскорчевка, пахота. К ней подступает великолепный хвойный лес, чистый, с могучими кедрами и пихтами. У Мишеля защемило сердце, вспомнил весеннее токование глухарей в гулком бескрайнем ленточном бору под Томском на заимке Асташева, и свою милую Антошу.

Вечером, принарядившись, молодая деревня в картузах и цветных шалях подтянулась к берегу, где американцы на шкуне играли на банджо и гитаре. Шум прибоя обрамлял мелодии чужой страны. Матвей пришел с девицей, выписанной из Великой Кемы, поселения, что в сорока морских милях по побережью к югу. Он пригласил Бакунина в деревню, в дом к родителям. На следующий день намечалась загрузка шкуны строевым лесом, и Мишель согласился заночевать на берегу.

В вечерних сумерках Матвей шел позади Бакунина со своей невестой.

- А вы с России? – спросил рослый Матвей.
- Я из Сибири, в России не был давно. Жил в Томске, Иркутске. А вы давно из России?
- Мы еще с Алтая, Бухтармы. Двести лет.
- И не хочется?
- А она нам нужна, та Россия? – сказал усмешливо Матвей.
- Не оглядывайся, - грубо, низким голосом сказала девица, когда Мишель приостановил шаг, краем глаза заметил, что Матвей засунул руку в расстегнутый вырез сарафана подруги, откинувшейся телом на поддерживающую ее другую руку ухажера, и нежно мял молодую ее грудь.

Изба была небольшая, пятистенка, с «русской» печью посередине и подпольем. Матвей ушел на всю ночь. Мать его, ладная женщина, одетая в чистый сарафан, подпоясанный передником, в шашмуре, шапочке, покрывающей волосы, хлопотала с ухватами у печи, собрала на стол ужин и ушла на другую половину. Горела лампа на нерпичьем жире, подвешенная на крюке к низкому потолку. В красном углу на полочке стояли

развернутые медные складни, изображающие сцены из «Ветхого Завета», светилась лампадка.

Бородатый отец Матвея, Александр Иванович, в нательной рубахе - совсем не смущал гостя, и оказался приятным собеседником. Он по возрасту был ровесник Мишелю, разве что, не было седины в постриженных полукругом волосах. С печи, попердывая и кряхтя, спустился совершенно белый, как полярная сова, дед, с пронзительно обесцвеченными голубыми глазами. Похлебав из миски затирухи, послушал начало разговора. При упоминании Бакуниным старца Евфимия и религиозного текста странников «Цветника», по-юному подмигнул Мишелю и снова залез на печь, затих там и больше не показывался. По мере углубляющейся ночной тишины, установившейся в избе, разговор напротив, все больше приобретал характер острой религиозной дискуссии.

Еще от своего тестя Квятковского, Бакунин много знал о староверах крайних беспоповских толков русского старообрядчества. Именно он, беларус, после своей деловой поездки на Бухтарму по золоторудным делам магната Асташева, у которого работал приказчиком в Томске, обратил внимание Бакунина на староверов страннического согласа, в просторечии именуемых «бегунами».

Триумф зла в России и в мире абсолютен. Церковь может быть только бегствующей, только скитальческой, только скрытнической. Так рождалось учение о Беловодье, о «блуждающей Москве», о параллельной Родине истинного православия.

Бегуны видят мир как пространство воцарения «духовного антихриста». Его следы повсюду, он наложил свою смоляную тягучую тень на чиновников и обывателей, на знать и на простолюдинов, на попов и беснующихся сектантов, на дела людей, на их инстинкты, на их мысли.

Иерархии зла страшно описаны в базовом религиозном тексте странников «Цветнике» старца Евфимия — основателя этого толка. Люди, которые нас окружают теперь — уже нелюди, учит старец. Это «иконы сатанины», «телеса демонские» и «трупы мертвые». Вот что с ними сделал духовный антихрист: извратил он, окаянный сын погибели, саму природу человека, пришедшего в мир в тяжкие последние времена.

«Телеса демонские» суть дворяне, аристократия. Выполняют они отчужденную волю богооставленного Государства, лишь пародирующего святость Московской Руси. Они — псы Вавилона, движимые конформизмом, растленные темным духом Санкт-Петербургского космополитического уклада. «Скобленые рожи», «инородцы», «немцы», «шуты»… Импортный антирусский класс деспотичных романовских надсмотрщиков над оживленными суррогатом жизни сынами могил.

Странническое согласие — это не нигилизм, не пароксизм отчаяния, не дуалистическая ересь, не уход от сражения с действительностью. Это, напротив, высшая экстремальная форма утверждения достоинства живой души.

Нет власти над духом, который по ту сторону ума — «Все в тобе!»

Странным было другое, как в среду староверов проникли кабалистические представления, которые Бакунину были знакомы по Западному краю, где в местечках Польши и Литвы жиды толпами шли послушать своих блаженных учителей, совмещавших несовместимое – выгоду, извлекаемую из людских пороков, и альтруизм библейских заветов, как мистическое наслаждение от слияния с вечно благим и строгим Отцом. Как притягательно Бытие для неподготовленных к смерти! Разговор с раскольником закончился.

- Не всегда вы будете бегать от зла. Когда-то придется вступить с ним в бой.

- Зло нельзя победить, также как и добро. Согласятся ли люди по доброй воле объединиться?
- А чего они боятся?
- Нет ценностей, которые заслуживали бы того, чтобы их по-настоящему защищать. Нет святынь, которые заслуживают того, чтобы им по-настоящему поклоняться. Не всем дано воссоздать святую Родину из глубин наших душ, из последних колодцев сердечной тайны Христа, извлечь ее из-под низших тектонических пластов абсолютного ужаса смерти. Плевать на тех, кто верит в истинность того, что есть. Все что есть — лишь малая толика того, что может (должно!) быть. Имперская, мирская Россия — адское кривое зеркало, с искажающими харями, которых нет в бытии, - это бесплотные, болезненные, карябающие души предрассветные призраки. У них нет корней, их вырвали из грядки, где зреют существа, раньше времени, и бросили сюда на защиту лжеиерархий и частной собственности. Их законы и печати скреплены лишь мутной жандармской слюной. Плюнь им в лицо! — ты свободен.
- Если пришлют начальника или попа, поставят над общиной, уйдем дальше с детьми.
- Куда?
- В Австралию, говорят, там собирают отверженных, или в Британскую Канаду.
- А почему не в Америку?
- Америка создана рабством, там тоже зло мирского закона над душами, что и в России.

Вот и вопрос анархистов прост: способны ли мы прожить свои жизни без политического, духовного, экономического и прочего начальства? Насилие – закон чиновников.

Мироздание всюду выглядит для неподготовленного, как Смерть! Никто не хочет видеть, как из нее зарождается новая правда, чтобы в мире людей превратиться в новую ложь. Люди не хотят прозревать, не хотят взрослеть.

Принимая мир как наказание, мы тем самым принимаем его безысходность, накладывая на себя терпение. Это не есть терпение знающего истину – это терпение скотины, которую ведут на бойню, тупое и тяжелое. Придавая большое значение смерти – предполагают потустороннюю жизни. Все религии построены на страхе человека перед смертью, и благоговения перед ней, все в принципе трансцендентны.

Внутренний опыт духовного подвига, «русской правды», воплощенный в архетип «Царствия Божьего на земле», оставался Истиной, Роком Божественного, родовым для Православной Руси, делал русского человека свободным через искупление и освобождение, а теперь превращал его – в вечного раба приблудных господ!

Коллективное прорывается в вербальное восприятие мира в виде мифа, и приводит к сакрализации «коллективного бессознательного», как табу на ее критику и всяческие сомнения. Высшее проявление сакрализации - это идолы и иконы. Поклоняться сакральному - это приблизиться к нему, понять его - значит духовно очиститься. Высшее очищение есть Смерть. Тогда жизнь превращается в поход очистительный к Смерти, двери к сакральному. Если человек не найдет ответа на свою Любовь в мире, - а ее там нет, - ему останется только потусторонняя вера в любовь Бога, фанатическая и слепая! А ответ на эту любовь - уже не имеет значения.

Но человека свободным делает не миф, созданный традиционной культурой, а только его волевое решение!

Человек – социальное животное, останется животным, пока внутренне не станет свободным. Поэтому самостоятельные личности всегда противостояли миру людей, с его

ложью и иерархией, ограничивающей своей властью свободу быть независимыми. Противостояние и порывание всяких связей с организованным обществом, благотворно влияет только на сильные волевые личности. Свободный человек поднимается до высот духовной жизни, т.е. до полноценной жизни. Заметьте, не насилие над другими, а спокойный и ясный критический взгляд над стаей людей. Все, кто пропагандируют иерархию людей, - не являются духовными личностями, а действуют в своекорыстных интересах, их истинной целью является попытка занять на этой лестнице выгодное, лидирующее положение. Отсюда и ор по поводу блага авторитарности. У свободного человека нет авторитетов, он ушел из-под власти авторитарного мышления, он живет в согласии с миром и с самим собой. Поэтому нет и мнений, он не навязывает другим свое представление о правильности выбора в жизни. В этом и есть этика свободного человека.

Если нет целостного этического мировоззрения, то нет и действительности мира, ни в жизни, ни в поступках, - каждый несет свое будущее в себе.

Утром над выгоном стоит серебристый и бодрящий туман. Деревня собирается на покос. Возвращаясь на американское судно, Бакунин с тоской думал: «Европеец ли он русский ли…?». Над памятью его - взведенный бровью взгляд молодого раскольника Матвея, выпустившего Мишеля со двора, не прощаясь.